

Россия и Франция: трудный путь к диалогу

Московиты, собственно говоря, варвары.

Фуа де ла Невиль, 1689

Дружба здешняя чрез сладость комплиментов своих бесполезная в прибыльном деле мало случая нам кажется...

А.А. Матвеев, 1705

Географическая удаленность, религиозные различия и языковой барьер, несовпадение внешнеполитических интересов — всё препятствовало взаимному знакомству России и Франции до начала XVIII века. Французы оказались едва ли не последними европейцами, открывшими для себя Московское государство: купец из Дьеппа Жан Соваж привел свой корабль в Архангельск в 1586 году. Однако Англия, Голландия и Прибалтийские страны уже заняли место на рынке Московии, где французские купцы так и не смогли найти своей ниши. Французы плохо знали Россию. Русские не вызывали у них особого интереса и удивления, как, например, китайцы или экзотические «дикари». Жители России казались просто неотесанными европейцами, христианами-схизматиками. Иногда Россия интересовала французов не сама по себе, а как кратчайший путь в Китай. До конца XVII века из-под пера французских авторов вышло не более шести оригинальных сочинений о далекой северной стране¹. В них о русских говорилось как о «варварах», то есть о людях, которые лишь прикоснулись к цивилизации и соединили в себе недостатки дикости и цивилизации, не обладая преимуществами каждого из состояний. В дихотомической модели «свои — чужие» русские прочно обосновались для французов в классе «чужих».

¹ Mervaud M., Roberti J.C. Une infinie brutalité. L'image de la Russie dans la France des XVI-e et XVII-e siècles. Paris, 1991. P. 13.

Французы, побывавшие в далекой северной стране, не видели в русских ни одной положительной черты, кроме, пожалуй, гостеприимства. Жак Маржере, знавший русский язык и оставивший самое пространное описание «Московии» начала XVII века, так характеризовал её жителей: «Русские грубы и неотесанны, они лишены всякой вежливости, это лживый и бессовестный народ без веры и закона; они склонны к содомии и запятнаны множеством других пороков и зверств <...>»². Фуа де ла Невиль, приехавший в Москву в конце XVII столетия, описывал русских в сходных выражениях: «Московиты, собственно говоря, варвары. Они подозрительны и недоверчивы, жестоки, склоны к содомии, прожорливы, скупы, негодяи и трусы, все они рабы, за исключением трех иностранных семей <...>»³.

Жители России, которым запрещалось выезжать за границу без разрешения царя, еще меньше знали о Франции. Немногие русские дипломаты, побывавшие во французском королевстве, хотя подчас и стремились побольше узнать о стране, её правителях, политической обстановке и обычаях, тем не менее, с большим трудом преодолевали цивилизационный барьер и находили нужные слова. Статейные списки посольств не содержали никаких личных оценок увиденного. Об этом свидетельствует, например, статейный список посольства Ивана Кондырева и Михаила Неверова (1615–1616). Его автор проявил большое любопытство, но мировоззрение и менталитет московского приказного человека не всегда позволяли адекватно воспринимать реалии «Французского государства», не говоря уже об особенностях французской культуры. Зато подъячий Холопьего приказа Михаил Неверов, набивший руку на портретных характеристиках кабальных книг, живо подметил характерные черты внешности молодого Людовика XIII: «круглолик, ягодицы (щёки. — С.М.) выдалися к носу, чело кругло, взлизовато, нос прям, маленько привскорючь, исподняя губка поотвисла, ростом невелик, волосом исчерна рус, в языке тих, пришевель (шепеляв. — С.М.), стыдлив»⁴. Но даже обычное любопытство проявляли не все послы. Князь Константин Мачехин и дьяк Андрей Богданов все время пребывания в Париже в 1654 году сидели в гостинице, пили и ели, иногда дебоширили; осматривать достопримечательности

² Цит. по: Mervaud M., Roberti J.C. Une infinie brutalité. P. 53.

³ Ibid; ср.: Де ла Невиль. Записки о Московии / отв. ред. В.Д. Назаров, Ю.П. Калинин; предисловие, подготовка текста, перевод и комментарии А.С. Лаврова. М., 1996. С. 167.

⁴ Первое посольство России во Франции // Исторический архив. 1996. № 1. С. 196.

французской столицы они отказались⁵. Посольства П.И. Потемкина (1668, 1680) оказались более восприимчивыми к культурным реалиям Франции. В статейном списке было отмечено: «Город Парис великой и многолюдной и богатой, и школ в нем безмерно много»⁶. Следующая миссия Я.Е. Мышецкого и Я.Ф. Долгорукова 1687 года закончилась дипломатическим скандалом и надолго омрачила отношения между двумя странами. По словам французского дипломата, русские посланники «жили здесь с торгами для своей прибыли», а люди при них были «пьяницы и драчи», и все они «сему умному и политичному народу всякими видами дуростей своих досаждали»⁷.

Система политического равновесия, существовавшая в Европе после Вестфальского мира 1648 года, держалась на противостоянии двух крупнейших континентальных держав — Франции и Священной Римской империи. Желая нейтрализовать своего противника, французская дипломатия создала на восточных границах империи пояс дружественных государств — «восточный барьер», в который входили Турция, Польша и Швеция. Как видим, друзья Франции были главными врагами России во второй половине XVII — начале XVIII века. Конфликт русских и французских интересов на выборах польского короля 1697 года и победа кандидата, поддерживаемого Россией, испортили русско-французские отношения в начале правления Петра I.

Мирные контакты русских и французов были очень редкими. Французы-католики составляли малую группу среди жителей Немецкой слободы в Москве, и едва ли москвичи могли их выделить из массы остальных «немцев». В обстоятельном исследовании В.А. Ковригиной, посвященном Немецкой слободе, находятся единичные упоминания о мастерах-французах, работавших в России до воцарения Петра I (часовщик Жакоб Ляфебер, золотых дел мастер Франсуа Шоле, резчик Франсуа Луи Тебюлье)⁸. Из писем Ф. Лефорта известно, что в Москве было трудно найти человека, говорящего по-французски. «Я являюсь здесь единственным офицером из нашей нации и даже единственным французом», — писал он в 1681 году⁹. Правда, в 1689 году «французским эмигрантам

⁵ Борисов Ю.В. Дипломатия Людовика XIV. М., 1991. С. 343.

⁶ Путешествия русских послов XVI—XVII вв.: Статейные списки / отв. ред. Д.С. Лихачев. М.; Л., 1954. С. 314.

⁷ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1705. № 2. Л. 34—34 об.

⁸ Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и её жители в конце XVII — первой четверти XVIII в. М., 1998. С. 86—87, 93—94.

⁹ Ф. Лефорт: Сборник материалов и документов. М., 2006. С. 49, 72.

протестантской веры» разрешили приезжать в Россию для поселения и свободно покидать ее¹⁰.

Как справедливо заметила Ф.Д. Лиштенан, в отличие от итальянцев, англичан, голландцев и немцев, французы до конца XVII века мало интересовались Россией. Взаимовосприятие двух культур характеризовалось «равнодушной несовместимостью» или скорее «пренебрежительным непониманием»¹¹.

Между тем, к началу XVIII столетия Франция заняла положение европейского культурного лидера. В это же время в России начался культурный переворот, важнейшей составляющей которого была европеизация. Признание превосходства европейской цивилизации создало в России ситуацию культурного диалога (точнее — культурного влияния, когда принимающая сторона сознательно изменялась в соответствии с избранной моделью). Сначала европейское влияние осуществлялось через периферийные европейские культуры: украинскую, польскую, затем через немецкую и голландскую. Однако уже в первые годы XVIII века взгляды русской элиты обратились в сторону Франции. Несмотря на политические осложнения, несмотря на то, что во время Северной войны Россия и Франция оказались во враждебных лагерях, Россия попала в орбиту французского культурного влияния. Уже во время Великого посольства Пётр I желал видеть Францию¹². Однако утверждение Э. Каррер д'Анкосс о тайном посещении русским царем Франции в 1697 году¹³ совершенно безосновательно. Несомненно, Пётр I испытывал интерес к личности и деятельности Людовика XIV, а по косвенным данным видел в нем «совершеннейший образец истинного правителя, с коего и всем прочим государям пример брать следует»¹⁴. Русскому царю приписывали такие слова: «Людовик был более великим, чем я, во многих

¹⁰ Переговоры с прусским посланником по поводу гугенотов, бежавших из Франции, начались в правление Софьи, но заключительный документ был подписан в царствование Петра I и его брата Ивана. См.: ПСЗ. Т. 3. № 1331. С. 8–9.

¹¹ *Liechtenhan F.D. Le Russe, ennemi héréditaire de la chrétienté? // Revue historique. 1991. CCLXXXV/1. P. 79.*

¹² История Свейской войны: Поденная записка Петра Великого / сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 198; *Лавров А.С. Великое посольство в донесениях французских дипломатов // Ораниенбаумские чтения: сб. научн. статей и публикаций. Вып. 1: Эпоха Петра Великого. СПб., 2001. С. 117–118, 132–135.*

¹³ *Каррер д'Анкосс Э. Императрица и аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероша. М., 2005. С. 11; подробно об отношениях с Францией во время Великого посольства см.: Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. Великое посольство. Рубеж эпох, или Начало пути. 1697–1698. СПб., 2008. С. 144–158.*

¹⁴ *Берелович В. Пётр Великий и Людовик XIV: скрытое противопоставление в России XVIII века // Пинакотекa. № 13–14 (2001. № 1–2) С. 18.*

отношениях, но в чем я его превосхожу, так это в том, что я привел свое духовенство к миру и послушанию, в то время как он покорился своему духовенству»¹⁵.

Наверное, одним из начальных источников французского влияния на Петра был Ф. Лефорт — франкоговорящий швейцарец-кальвинист, который для русских был французом — «дебошаном французским»¹⁶. Последний нахваливал своим зарубежным корреспондентам молодого царя, часто повторяя, что государь очень любит иностранцев и одет постоянно «à la française»¹⁷. Кстати, в 1700 году вышел указ об обязательном ношении иноземного платья на манер венгерского, но затем (примерно через два года) было уточнено, что за образец следует взять французский и немецкий костюмы¹⁸. Царь хотел видеть своих соотечественников «настоящими» европейцами, хотя бы по внешности.

Возможно, рано умершего Лефорта напоминал Петру I своим веселым нравом Жозеф Гаспар Ламбер де Герен — французский инженер, автор первого плана Петропавловской крепости, кавалер ордена Андрея Первозванного. Царь отдал предпочтение именно его проекту крепости, в основу которого была положена бастионная система, разработанная знаменитым маршалом Вобаном¹⁹.

Дипломатическое сближение России и Франции было очень трудным, но участие России в Северной войне не могло оставить Францию равнодушной, хотя её симпатии были на стороне Карла XII. Как полагает П.П. Черкасов, именно с 1700 года русско-французские отношения приобрели постоянный характер²⁰. В 1702 году в Париже появился русский агент П.В. Постников (он пробыл в Париже до 1710 г., но так и не получил официального статуса²¹). Когда он отъезжал во Францию, вышеупомянутый Ламбер де Герен поручал ему купить для царя и для Меншикова «богато шитые» платья и парики, а также инженерные инструменты²². Постников делал в Париже закупки одежды, инструментов и книг, нанимал на

¹⁵ Вильбуа. Рассказы о российском дворе // Вопросы истории. 1991. № 12. С. 204.

¹⁶ Куракин Б.И. История о царе Петре Алексеевиче // Пётр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. М., 1993. С. 75.

¹⁷ Ф. Лефорт: Сборник материалов и документов. С. 125.

¹⁸ Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 8. М., 1993. С. 100.

¹⁹ Малиновский К.В. Санкт-Петербург XVIII века. СПб., 2008. С. 11.

²⁰ Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775. М., 1995. С. 6.

²¹ См.: [Болотина Н.Ю.] «Получил я честь видеть в Версалии короля французского»: Российский дипломат П.В. Постников во Франции 1702–1710 гг. // Исторический архив. 2010. № 6. С. 176–187.

русскую службу хирургов («цырюликов»). Наем специалистов затруднялся неблагоприятным образом России во Франции: «Чают в край света ехать к Москве, и диавол их знает, что говорят <...> Егда слышат Москву нашу, чают, что она с Индиями граничит»²³.

Большое значение для культурного сближения двух стран имело пребывание в Париже в 1705–1706 годах известного дипломата А.А. Матвеева. Его «Записки»²⁴ — это своеобразное «открытие» Франции русским человеком. Автор не просто описывал достоинства Людовика XIV, политические и культурные обычаи Франции, красоты Парижа и Версаля, он высказал к ним свое личное — в высшей степени положительное — отношение. Он предлагал использовать их как культурно-политическую модель²⁵. По словам В. Береловича, Матвеев был «первым, кто связал невидимой нитью двух государей и, следовательно, две страны»²⁶.

А.И. Заозерский давно подметил, что русская знать петровского времени рано сделала свой выбор в пользу Франции, видя в ней приемлемую модель взаимоотношений монарха и аристократии и высокий культурный образец. Князя Долгорукий, Куракин, Троекуров, Голицын, граф Головкин предпочитали французские школы и французских учителей для своих сыновей²⁷. В домах знати появились учителя-иностранцы, в том числе профессиональные гувернеры. Французов среди них было немного, но знание французского языка высоко ценилось. Если учителями царевича Алексея Петровича были немцы, то к племянницам и дочкам царя были приставлены учителя-французы²⁸.

Любопытную ситуацию зафиксировало недавно опубликованное письмо студента А.И. Головина своему отцу И.М. Головину 1718 года²⁹. Этот представитель знатной фамилии проходил обучение в Универ-

²² История князя Меншикова. СПб., 2003. С. 43–44.

²³ *Шмурло Е.Ф.* П.В. Постников. Несколько данных для его биографии. Юрьев, 1894. Приложение I. С. 119, 120.

²⁴ Русский дипломат во Франции (Записки Андрея Матвеева) / публ. И.С. Шарковой под ред. А.Д. Люблинской. Л., 1978.

²⁵ *Berelowitch W.* Aux sources d'un model à consruire: la France de 1705 vue par un Russe // *De Russie et d'ailleurs. Feux croisés sur l'histoire.* Pour Marc Ferro / Textes recuillis et édités par M. Godet. Paris, 1995. P. 403.

²⁶ *Берелович В.* Петр Великий и Людовик XIV. С. 18.

²⁷ *Заозерский А.И.* Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989. С. 197; см. также: *Ковригина В.А.* Немецкая слобода Москвы... С. 350–375.

²⁸ *Ковригина В.А.* Немецкая слобода Москвы... С. 359.

²⁹ *Берелович В.* Письмо русского студента отцу в петровское время // *Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время): Сб. ст. памяти акад. Л.В. Черепнина.* М., 2010. С. 821–826.

ситете Галле в Германии. Однако из письма явствует стремление молодого человека поехать «для ради лутчего обучения» во Францию, ибо, как он полагал, «нигде таких случаев лутче нет обучатца архитектуре цивилис и милитарис и астрономии, как во Франции». Старший Головин, по-видимому, не приветствовал эту идею, будучи наслышан о развратных французских нравах, о том, что молодые люди там «ничего болши не обучаются, как всякой шалости». Однако молодой человек оставался при своем мнении, резонно возражая отцу: «Есть таких дураков не в одной Франции, и у нас в Гале много, что ничему учитца не хотят, токмо что хуляють, да великие суммы денег проживають». К сожалению, нам не известно, смог ли молодой Головин продолжить свое образование во Франции.

Скорее положительную, хотя и неоднозначную, характеристику Франции и французов находили русские читатели в книге «География или краткое земного круга описание» (1710):

«Государство французское есть изряднейшая и плодороднейшая и сильная страна на западе <...> Народ сей французский есть от лет давних в делах воинских славен <...> И наука воинская есть у них во многом почтении, доходы сего короля простираются зело велики. Народ французский есть зело трудолюбив и тщателен, и от того обходят все страны света, и аще учтивы, однакоже лукавы, к тому же неблагодарны; в войне к напускам зело жарки, но вскоре отступают, и нужды великой терпеть не могут, имеет свое воинство не точию на суше, но и на море»³⁰.

Почти не скрываемая политическая враждебность и негативный образ России, утвердившийся во Франции, конечно, затрудняли культурный диалог. Как писал П.В. Постников в 1704 году, «здесьшний двор великою злобою и противностью дышет на интересы его священного царьского величества»³¹. Дипломатические контакты (миссия Ж.К. Балюза в Москве 1702–1704 годов и миссия А.А. Матвеева в Париже 1705–1706 годов) политических результатов не принесли³².

Полтавская победа стала важным фактором в развитии русско-французских отношений: после Полтавы Пётр I стал чувствовать себя более уверенно перед лицом европейских государств; французские власти вынуждены были обратить более пристальное внимание на царя Московии. Не случайно в 1712 году появляется

³⁰ Цит. по: *Лебедев Д.М.* География в России Петровского времени. М.; Л., 1950. С. 340–341.

³¹ *Шмурло Е.Ф.* П.В. Постников. С. 135.

³² См.: *Крылова Т.К.* Франко-русские отношения в первую половину Северной войны // Исторические записки. 1940. Т. 7. С. 115–148.

«Записка» дипломата Ж.Л. Боннака, в которой французский автор впервые прославлял Петра I. Притом славил он не столько победителя Карла XII, сколько «государя, имеющего разносторонние дарования» и постоянно стремящегося к приобретению новых знаний. Между прочим, автор отмечал, что царь «при всяком случае демонстрировал расположение к французской нации, почтение к персоне короля и желание установить с Францией тесные отношения, как только для этого представится возможность»³³.

Со стороны Франции также наметилось желание укрепить «восточный барьер» за счет новых участников, в том числе России. Однако вторая миссия Ж.К. Балюза (1710–1712) также оказалась безуспешной. Отправленный во Францию в ранге секретаря посольства Г.И. Волков (1711–1712) убедился в том, что «здесь двор не перестал искать шведского интреса», а «народ здешний весь враждебен России, и которые добрые ведомости о нас бывают, тех и слышать не хотят, и печать они не допускаются, почему выгодно было бы курантельщика (газетчика. — С.М.) чем-нибудь приласкать, чтобы принимал и печатал добрые о нас ведомости»³⁴.

В начале 1714 года французские дипломаты предлагали русскому послу в Гааге Б.И. Куракину своё посредничество в примирении со шведским королем. Однако слухи об «учиненном» франко-шведском союзе и недружественные демарши французских дипломатов в отношении России во время переговоров с австрийцами и турками делали предлагаемое посредничество не очень желанным³⁵. В июне 1714 года французский посол в Голландии маркиз Шатонёф вновь обратился к Куракину с официальным предложением о посредничестве в заключении «партикулярного мира между Россией и Швецией». И на этот раз русская сторона увидела во французском предложении попытку обеспечить интересы Карла XII³⁶. По-видимому, такие опасения были обоснованными: 3 апреля 1715 года Франция возобновила союзный договор со Швецией, предусматривающий продолжение выплат денежных субсидий шведскому королю. Впоследствии высокопоставленный французский дипломат заметил, что Людовик XIV заключил этот договор, «чтобы не допустить довести его (Карла XII. — С.М.) до совершенного упадка»³⁷.

³³ Лиштенан Ф.Д. «Битва во славу рода человеческого». Как Жан-Луи Боннак Петра прославил // Родина. 2009. № 7. С. 69.

³⁴ Цит. по: Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 9. М., 1993. С. 62.

³⁵ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1714. № 1. Л. 1–2 об

³⁶ Там же. Л. 6.

³⁷ Инструкции и предписания французского правительства посланникам и дипломатическим агентам, находящимся при русском дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. 1881. Т. 34. С. 512.

Реальная возможность сближения России и Франции представилась лишь после смерти Людовика XIV и реализовалась во время визита Петра I в Париж в 1717 году. Уже за несколько лет до визита можно заметить оживление культурного общения. С 1710 года в Петербурге работали садовый мастер Дени Брокет и его брат архитектор Жак Брокет³⁸. Г.И. Волкову было поручено нанять на русскую службу архитектора, садового и фонтанного мастеров, но его попытка оказалась неудачной³⁹. В 1712 году 30 человек посылаются во Францию обучаться военному искусству. В 1717 — еще 20 русских дворян были зачислены во французский флот в Бресте и Тулоне⁴⁰, «понеже во Франции зело изрядное обучение в гардемаринах»⁴¹. Правда, с 1712 по 1717 год Россия не имела дипломатических представителей во Франции⁴², но увеличила число культурных агентов в Париже, в качестве которых выступали Жан (Иван) Лефорт (с 1715 года, посланный «во Францию ради некоторой комиссии, а именно для высылки оттоль разных художеств мастеровых людей»⁴³), Конон Зотов (с 1715 года — для налаживания контактов в морских делах и для «покупки всяких инструментов и книг»⁴⁴), Яган Бонмассари (Giovanni Battista Bonmassari, с 1715 года), Юрий Кологривов (в 1717 году). О культурной направленности интереса Петра I к Франции свидетельствует его стремление привлечь на русскую службу французских художников и приобрести произведения французского искусства, отразившееся в переписке с К.Н. Зотовым, Ж. Лефортом, А.Д. Меншиковым 1715–1716 годов⁴⁵. Действительно, еще накануне царского визита русским агентам удалось пригласить таких замечательных мастеров, как архитектор Ж.Б. Леблон, скульптор Б.К. Растрелли, резчик Н. Пино, живописцы Л. Каравак, Ф. Пильман и др. Царь получил из Франции иллюстрированные книги по архитектуре, военному делу, кораблестроению, искусст-

³⁸ Les Français en Russie au siècle des Lumières. Dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones en Russie de Pierre le Grand à Paul I-er / sous la direction de Anne Mézin et Vladislav Rjéoutski. Ferney-Voltaire, 2011. Т. 2. Р. 122–123.

³⁹ *Medvedkova O.* Jean Baptiste Alexandre Le Blond. Architecte 1679–1719. De Paris à Saint-Pétersbourg. Paris, 2007. Р. 149–153.

⁴⁰ *Бакланова Н.А.* Культурные связи России с Францией в первой четверти XVIII в. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. М., 1966. С. 309; Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 84/1. Л. 10, 12.

⁴¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 81. Л. 19.

⁴² *Турилова С.Л.* Русские дипломатические представители во Франции в XVIII в. // Россия и Франция. М., 1995. Вып. 1. С. 346.

⁴³ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2. С. 4.

⁴⁴ Там же.

ву, истории: 15 книг и несколько сотен гравюр⁴⁵. Пётр ехал в Париж, уже имея некоторое представление о том, что могло его там заинтересовать.

Едва заметное на первых порах русско-французское сближение шло по двум линиям — политической и культурной. При этом культурное взаимодействие было более успешным. Визит Петра I во Францию в 1717 году стал кульминационным моментом начавшегося русско-французского культурного и политического диалога и оставался едва ли не главным событием в русско-французских отношениях вплоть до середины XVIII века.

⁴⁵ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 79/2. Л. 174; Д. 79/3. Л. 400–403, 451–452; Д. 81. Л. 210, 281–281 об.; Д. 82. Л. 402 и др.

⁴⁶ *Хмелевских И.В.* Два указа Петра I о книгах рижскому губернатору // Книга в России: к истории академической библиотеки. СПб., 2014. С. 86–87.